

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ

ДЕТЕКТИВ

ГЕРА

Александр Асмолов

Гера. Детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36330005

ISBN 9785449328076

Аннотация

Студент ищет наследницу дворянского рода, чтобы передать ей письмо. В поисках он использует разработанный им препарат. В результате он догадывается о золоте в швейцарском банке. Попутно он раскрывает преступление вековой давности, восстанавливает честное имя гусара и находит... Об этом вы узнаете, погрузившись в интригующие детали прошлого, попадая в коварные ловушки и окунувшись в романтические приключения. Книга будет интересна любителям детективного, исторического и приключенческого жанров.

Содержание

ПАМПУШКА	5
БОРА-БОРА	19
ГЕРА	32
ЗИНА	43
ПИТЕР	58
АНТОНИНА	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Гера Детектив

Александр Асмолов

© Александр Асмолов, 2018

ISBN 978-5-4493-2807-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМПУШКА

*События, имена и даты вымышлены,
все возможные совпадения случайны.*

Это удачное сокращение от «памятник Пушкину», сохранившееся среди столичной молодежи с позапрошлого века, популярно и ныне, как, впрочем, и одноименный ресторанчик напротив известного монумента, с той лишь разницей, что юный тезка отпугивает своими ценами понаехавших и привлекает великовозрастных детишек наворовавших. Вернее, тех, кого еще не приняли или уже выгнали из престижных колледжей и университетов Европы. Большинство из них готовятся продолжать дело отцов, ставших не только успешными бизнесменами и владельцами всех видов собственности, но и обладателями солидных регалий от академиков до генералов.

Правда, обеспеченных отпрысков пока не очень интересуют почти настоящие шитые золотом погоны, удостоверения руководителей силовых структур и дворянские титулы. Даже депутатские значки меркнут в их глазах перед дорогими игрушками или эзотерической атрибутикой. Поэтому маска дежурной усталости от доступных удовольствий здесь выдает чужака. Провинциальные десанты покорителей столицы

волна за волной налетают на подобные лежбища мажоров, но тут же лишь обдают брызгами завсегдатаев. Местные бдительно следят за чистотой своей крови, постоянно оттачивая инструменты из богатого арсенала противостояния. Изредка пропуская кого-нибудь в карантин, они применяют еще более изощренные приемы проверки, ибо цена ошибки высока.

Один из таких кандидатов появился в «Пампушке», где дальний уголок около полупрозрачного окна за двумя помпезными колоннами в римском стиле обычно пустовал только днем. Его одиночество бдительно охраняла табличка «зарезервировано», которая убиралась лишь при появлении одного из узкого круга лиц, имевших право. Обычно они собирались после десяти вечера – поужинать и поболтать.

– А вот и наш новичок, – заметил кандидата сидевший за столиком у окна крепыш, – присоединяйся, – он кивнул на свободное кресло.

– Надеюсь, он нас со Скрипалями не перепутает... – ехидно бросила блондинка с ярко накрашенными губами.

– Кто дочка понятно, – подхватил ее шутку молодой человек лет двадцати пяти с аккуратным пробором, – а кто у нас папик?

– Назначаем тебя, Вик, – ухмыльнулась ему в ответ стройная брюнетка с короткой стрижкой, – ты вовремя слинял из Лондона, – она демонстративно поправила безукоризнен-

ный пробор соседа.

– А ты бы мог замутировать такого «новичка» в пробирке? – проигнорировал предложение Вик и снисходительно глянул на севшего рядом с брюнеткой новенького.

– Глупо тратиться на это, – холодно отрезал тот, покрутив в изящных длинных пальцах надраенную до блеска вилку и добавил – это чисто английское убийство, нам оно ни к чему.

– Нам? – улыбнулись ярко покрашенные пухлые губы, – а ты вообще кто?

– Для вас... – на блондинку глянули красивые голубые глаза, – говорящая мартышка, с которой можно поиграть.

На вид новичку было лет двадцать, хотя держался он в чужой компании вполне уверенно, даже вызывающе. Он не был качком или каратистом, скорее – ботаником, но не бравировал какими-то познаниями или необычными словечками, что часто использует молодежь, желая подчеркнуть свой статус.

– Але... – блондинка щелкнула пальцами с замысловатым маникюром и указала на центр стола, – только посуду не побей.

– Сначала ошейник нацепи, – новичок не отвел взгляда.

– На кого? – рассмеялся крепыш и примирительно плеснул без спроса коньяку в приземистую рюмку с широкой та-

лий, красовавшуюся перед новичком. – У Кэт острые коготки. Вцепится, не вырвешься.

– *И плен ее пленительно пленял, но только тех, кто молча сдался...* – неожиданно мягким баритоном промурлыкал парень, лукаво прикрыв голубые глаза, а затем резко перевел взгляд на брюнетку.

Короткая стрижка вздрогнула от неожиданного взрыва хохота. Красивые белые зубы молнией сверкнули, когда она откинулась назад, но тут же спрятались за длинной сигаретой. Карие глаза с интересом скользнули по новичку. Его приятное спокойное лицо и уверенные манеры даме понравились.

– Тогда за Скрипалей, – крепыш по-гусарски лихо опрокинул свою рюмку, ни на кого не глядя, потом неожиданно спросил, – считаешь, что это убийство и чисто английское?

– Как и в похищениях, тут свидетелей не оставят, – уверенно ответил гость, – подставные пару раз еще мелькнут перед камерой и все... Английское, потому что там девяносто процентов беглых олигархов из России. Они на птичьих правах. Создай общественное мнение, протащи нужный закон и можешь грабить средь бела дня. Русские там – бельмо на глазу англосаксов, так что все только порадуются. В России не меньше, и это беспроектный вариант.

– Всех олигархов окропят святой водой? – брюнетка пустила струйку дыма в его сторону.

– Зачем? Громко пугнули, теперь будут договариваться, но на своих условиях.

Гость осторожно поднес к себе коньяк и, словно борзая на охоте, неслышно потянул носом, ожидая следующего вопроса.

– Говорят, ты лихо сдал «тензоры» Триггеру? – первой не выдержала молчание блондинка.

– Просто я знаю его любимые журналы, – улыбнулся новичок, – Триггер по ним готовит тесты.

Блондинка вопросительно приподняла тонкие бровки.

– Дарю, – снисходительно продолжил гость, – «Тензорное моделирование» и «Математические модели», оба штатовские.

– Врешь, – не сдавалась Кэт.

– В третьем и четвертом номерах обсуждались алгоритмы, реализованные на «Си-Шарп».

– Откуда дровишки? – подхватил Вик.

– В триста одиннадцатом почтовом отделении на Вернадского толстененькая «оператрица» любит горький шоколад.

– Слушайте, – вмешалась брюнетка, – мы как-то были у Триггера дома. Он действительно живет на Вернадского.

– В тринадцатом доме, – улыбнулся знаток женских тайн, – напротив школы...

Короткая стрижка не колыхнулась, но это прозвучало, как подтверждение, и гость продолжил:

– Немецкий журналист Джон Боханнон лет пять назад тиснул фэйк, что шоколад помогает худеть. Многие до сих пор верят.

Крепыш хихикнул и плеснул в рюмки, произнеся короткий тост:

– За шоколад!

– Слушай, – струйка дыма бесцеремонно указала кому адресован вопрос, – ты же в 12 группе на Химфаке. Зачем тебе моделирование? Это же курс ВМК.

– Фигаро и тут, и там, – не переставал удивлять новичок, – погорячился, когда документы подавал...

– Ну, ты конкретный ботан! – ухмыльнулся Вик. – И зачем тебе это?

– Отрабатываю... – попробовал уклончиво ответить тот, но видя интерес, уточнил. – Четыре года назад была возможность срубить лимон. Нужно было триста штук зеленых. Отец согласился дать при условии, что я закончу два факультета МГУ. Бабло у него на счете. Отдаст, когда привезу дипломы.

– Да врет он все, – ноготки с затейливым маникюром пробежали дробью по скатерти.

– Славик с ВМК трепался, что этот ботаник один со всего потока «тензоры» у Триггера на отлично сдал, – растерян-

но пролепетала брюнетка. – Он о каких-то таблетках лепил. Мол, после них этот перец весь учебник Замкова по математическим методам неделю помнил. С точностью до запятой...

– Врет, – неуверенно буркнула блондинка.

– Легко проверить, – оживился Вик. – Я даже знаю на ком... – и он широко улыбнулся, уставившись на гостя.

– Говорящая мартышка, – в голубых глазах мелькнула насмешка, – первый помощник экспериментатора.

– Только, чур, я книгу выбираю! – ярко накрашенные пухлые губы расплылись в детской улыбке. – Сейчас готов?

Гость сдержанно кивнул.

– Тогда за книгу... – здоровяк ловко подхватил свой бокал и широко раскинул руки, словно для объятия.

– Если вы серьезно, – испытуемый спокойно оглядел присутствующих, – мне потребуется не менее часа, – он демонстративно отодвинул от себя рюмку, – и это не для меня.

– Тогда я звоню Лильке, она живет рядом, на Тверской, – загорелась Кэт, – они Томаса Манна проходили. Там книжка – убить можно.

– Смерти его хочешь? – полушутя, полусерьезно спросила брюнетка. – Буду снимать на «Айфон», а то еще загнется здесь, нас потом затаскают...

– Линка, а он тебя просчита-ал... – протянул Вик, заговорчески улыбаясь брюнетке с короткой стрижкой, – потому

и от коньячка отказывался. — Мартышка-то не только говорящая.

Поняв намек, та зло сверкнула карими глазами на гостя.

— Вовчик, — по-хозяйски кликнул официанта крепыш, — нам как обычно, а этому минералки. Он за рулем.

Пока ждали подругу с книгой, все, кроме новенького, жевали различные закуски, обсуждая народные гуляния в столице после воскресной победы сборной России по футболу на чемпионате мира. Оказалось, что волна ликования, прокатившаяся по огромной стране, обошла их островок стороной. Они считали это заранее подстроеной забавой для сереньких людишек, получивших повод не ночевать дома и выпить лишку. Больше переживали за испанцев и немцев, вынужденных вернуться раньше остальных в лапы разъяренных болельщиков. Впрочем, более всего собравшиеся сожалели о том, что из-за народных гуляний пришлось отложить запланированные погонялки на столичных проспектах в предрассветный час.

Тем временем Кэт удалось подобрать нужные слова для подруги, чтобы та сорвалась откуда-то и явилась с увесистой книгой. Опубликованная в разрушенной Первой мировой войной Германии «Волшебная гора», объемом почти в шесть сотен страниц, была ненавистна тем, кто вынужден был изучать ее нравоучительно-философский сюжет,

а не предаваться приятному развлечению перед сном. Увидев увесистый фолиант в руках пышущей здоровьем и взволнованной Лилии, новичок улыбнулся и процитировал:

– На полках, в книгах мудрости великой пылятся тайны бытия. Судьбы чужой и многоликой следы впечатаны, молчание храня.

– Только не говори, что ты еще и на журфаке отдыхаешь, – ехидно прокомментировала Кэт, – а то придется Лильку за другой книжкой отослать.

Гость только улыбнулся, сделав неопределенный жест рукой, говорящий, что ему безразлично. Тогда, не раздумывая, ему вручили книгу. Двое с коммуникаторами устроились за столом напротив и включили запись. В абсолютной тишине новичок достал из кармана завернутую в фольгу из-под конфеты какую-то таблетку и запил ее водой. С усмешкой продемонстрировал, что он в рубашке с короткими рукавами, и принялся по диагонали просматривать станицы, неторопливо переворачивая.

Для участников эксперимента время отчего-то стало замедляться, растягиваясь в какие-то неровные нити. Одни старались следить, чтобы все было по-честному, другие скептически переглядывались, но не мешали. Длинные пальцы брали за краешек очередной лист и, как бы взвесив его,

откладывали и принимались за следующий. Парень будто бы искал нечто и, стараясь лучше разглядеть текст, медленно чуть наклонял голову то в одну, то в другую сторону.

Наблюдатели, словно попав под какое-то гипнотическое воздействие следом за ним повторяли эти наклоны. То вправо, то влево. То вправо, то влево... Им стало казаться, что ничего более важного в их жизни нет и быть не может. К своему удивлению Лина и Кэт отложили в сторону коммуникаторы, а потом и вовсе стерли то, что успели записать. Главным было наблюдать за удивительным процессом поворота головы парня с тонкими длинными пальцами. То вправо, то влево. То вправо, то влево...

Официант, удивленный воцарившейся тишиной в уголке за двумя помпезными колоннами в римском стиле, тихонько приблизился к обычно шумной компании. Окинув их пристальным взглядом, он попытался понять в чем дело, но потом тоже присоединился к ним. Его полностью захватил упительный процесс совместного поворота головы. То право, то влево. То право, то влево...

Когда длинные пальцы перевернули последнюю страницу, окружающих охватило странное щемящее чувство потери. Нечто важное закончилось в их жизни. Не по их воле, но безвозвратно. Затаив дыхание, все с надеждой посмот-

рели на голубоглазого полубога, ибо только от него зависело возможное продолжение. Однако он бережно закрыл книгу и тоже с сожалением развел в сторону руки с красивыми длинными пальцами. Они казались тоже какими-то одинокими, потерявшими нечто важное, и взгляды присутствующих по привычке качнулись вправо и влево. Затем остановились в центре. Там были пронзительно голубые глаза.

Вдруг какая-то веселая искорка промелькнула в самой глубине этой только что печальной голубизны, и тут же передалась зрителям. Их сердца откликнулись и радостно застучали. В унисон.

– Благодарю вас, друзья мои, за долготерпение, – его приятный голос звучал бодро и даже весело, – приступим к вашим вопросам. Возьмите книгу, открывайте на любой странице и прочитайте начало какой-нибудь строки, а я постараюсь припомнить, что там написано дальше. Первой прошу Кэт. Потом по кругу.

Излишне было бы детализировать искреннее удивление присутствующих в уникальной точности всех ответов обладателя красивых длинных пальцев. Он умело жестикулировал ими, сопровождая свои слова некими образами, удивительно подтверждавшими то настроение, которое содержалось в ответах.

И время для всех участников эксперимента протекало совершенно странным образом, как то описывалось в обсуждаемом романе «Волшебная гора» – оно то ускорялось, то замедлялось, а то и вообще не имело никакого значения для происходящего. Даже официант, то и дело поглядывавший в свой блокнотик, с удивлением для себя отмечал, что за смену почти ничего не сделал и, следовательно, не заработал. Плачевный результат не шел ни в какое сравнение с только что промелькнувшими выходным, когда народ валил толпами, чтобы отметить победу своей сборной, и поварам приходилось неоднократно повторять заказ продуктов в соседних магазинах, потому что холодильники на кухне катастрофически быстро пустели...

– Вот она великая сила искусства, – иронично заметил Вик, с удивлением глядя на свои дорогие часы, – третий час, однако... Кого-нибудь подбросить домой?

Последняя фраза как-то странно оборвалась, и за ней потянулась липкая тишина. Давно знавшие Вика, отметили про себя, что впервые слышат от него такое предложение, но, подумав немного, решили, что ослышались. Поздно уже.

Расходились неохотно, даже искали какие-то мелочные предлоги, чтобы спросить или поговорить о чем-то. Мужчи-

ны, прощаясь, подолгу трясли руку новичка и дружески похлопывали по плечу, дамы непривычным движением брали в свои ладошки его длинные пальцы и коротко заглядывали в глаза. Они искали нечто важное в голубой бездне, приятно манившей задержаться там и с наслаждением пить маленькими глотками то, к чему стремится любая женщина. Всю жизнь...

Им казалось, что они давно знают этого славного парня, но никто не осмелился задать ему один и тот же вопрос. Отважился только Вик.

– Слушай, – с удивительной для себя деликатностью, тихо, словно извиняясь, произнес мужчина, привыкший повелевать, – все хотел спросить... Тебя как зовут-то?

– Гера, – коротко ответит тот.

– Герман, что ли?

– Нет.

– Ну, не Герасим же, – попробовал пошутить Вик, но осекся.

– Да просто Гера, – подтвердил новенький.

– Ладно... Гера... Тебя куда подбросить?

– Благодарю, но я пройду. Две сессии сдал, надо развеяться.

– Понимаю... Ты набери меня, когда будешь свободен. Перетрем одну темку.

– Конечно.

– А номер-то...

– Я знаю. Оканчивается на четыре семерки.

Немой вопрос застыл в глазах Вика.

– Когда я читал, Лика набрала тебе СМС-ку... У каждой цифры своя нота. Вот и запомнил.

– Ну, ты даешь... Гера.

БОРА-БОРА

Ночная прохлада и непривычная тишина в центре столицы приятно обволакивали, создавая настроение покоя и умиротворенности. Время от времени любому, даже самому общительному человеку, хочется побыть одному. Разобраться со своими эмоциями или что-то обдумать, и прогулка в таком случае просто незаменима. Будь то извилистая лесная тропинка, дубовая аллея или парк. На худой конец, подойдет и бульвар большого города, лишь бы там было тихо, и каменные коробки не нависали над головой, а шелестела листва. Наверное, это генная память, доставшаяся в дар от наших предков, долгое время искавших и находивших защиту в бескрайних славянских лесах. Возможно, эта связь предков с окружающим миром еще жива и в нас самих, и мы подсознательно тянемся именно к тем деревьям, которые они когда-то считали своими.

Эта мысль заставила Геру остановиться и подойти к вековой липе. Парень приблизил ладони к солидному стволу и ощутил желание обнять его. Какое-то время они так и простояли. Обнявшись. Стало удивительно хорошо, и расставаться не хотелось.

– Ну, бывай, старина, – мысленно произнес ночной гуляка и дружески похлопал дерево на прощание. – Заходи как-

нибудь...

Тут же вспомнилось его знакомство с Борисом Борисовичем Логиновым. Это было на втором курсе. Молодой профессор, читающий курс молекулярной химии в Университете Бостона, вернулся из США, услышав призывы из Кремля к ученым всего мира – приезжать на Родину и возрождать русскую науку. Логинову дали лабораторию на Химфаке, он набрал группу студентов, и они начали работать над интересной темой. Видя энтузиазм студентов, готовых ночевать в лабораторном корпусе, Бора-Бора, как его прозвали ребята за неудержимую и заразительную энергию в работе, привозил из своего университета в Бостоне оборудование, и даже платил небольшую стипендию из своих личных средств.

Несмотря на признание в научном мире, Бора-Бора был удивительно прост в общении со студентами, хотя и обладал незыблемым авторитетом, основанным на глубоких знаниях в самых разных областях. Однажды на студенческом семинаре, который в их лаборатории проходил по субботним вечерам, обсуждался вопрос о вкусовых ощущениях и воздействия на них с помощью химии. Гера тогда сделал доклад, основанный на статье, опубликованной еще в шестидесятые годы прошлого века. Его мать работала преподавателем в школе, и он частенько ждал ее в библиотеке, что-нибудь читая. Любимым журналом был «Химия и жизнь».

Наверное, поэтому, пацан выбрал эту дорожку в жизни. Каких-то верных друзей у него не было ни в школе, ни в университете. Только книги.

Вот и припомнилась та статья, где с научной точки зрения рассматривался давний спор англичан о том, как правильно готовить чай с молоком. Одни утверждали, что вкуснее добавлять молоко в чай, другие – наоборот. Казалось бы, смешной вопрос, но с точки зрения молекулярной химии все оказалось очень логично. Вкусовые ощущения зависят не только от химической формулы продукта, но и от строения молекулы. Чем длиннее органическая цепочка, тем приятнее вкус. Поэтому, если в холодное молоко добавлять тонкой струйкой горячий чай, длинных молекул молока, придающих вкус напитку, останется больше. Правда, не все различают такие нюансы, и также ищут различия между талой и родниковой водой, а хороший микроскоп с подключенным компьютером определит различие в процентах.

Точку в споре поставил Бора-Бора, продемонстрировав результаты анализов, проведенных с помощью микроскопа вместе с химическим анализатором. Любителей «Кока-колы» и «Доширака» едва не вывернуло наизнанку от увиденного. Все убедились воочию, как глубоко химия вошла в современную пищевую промышленность, и не случайно натуральные продукты нужно искать только на особых полках

магазинов и по особой цене.

Впрочем, самое интересное в той истории случилось после семинара, когда Бора-Бора предложил прогуляться вдвоем и поболтать. Этот разговор стал точкой невозврата в судьбе студента.

– Признаться, я тоже читал ту статью в «Химии и жизнь», – неожиданно произнес Логинов.

– Про чай с молоком?

– Верно.

– Стесняюсь спросить, а тема семинара была выбрана вами не случайно?

– Верно, – не глядя на собеседника ответил Бора-Бора.

– Я так понимаю, что главным была не тема статьи и вкусовые особенности вообще?

– Скорее, в частности, – профессор говорил серьезно. – Сам аппарат восприятия вкуса у нас одинаков, а чувствительность, особенно к определенным вкусам, существенно различается. Эти особенности определяются строением ДНК, как, впрочем, и остальные наши способности, пристрастия и наклонности.

– Мы запрограммированы уже при рождении на конкретное восприятие? – предположил студент.

– Верно, но на это можно влиять, и, надеюсь, ты сегодня в этом убедился.

– Такое впечатление, что вы глубоко интересуетесь темой,

и наш разговор не случаен.

– Верно. Параллельно официальным научным темам, которыми я занимаюсь в рамках научных программ университета, у меня есть личный интерес.

– И он связан со вкусовым восприятием?

– Верно. Хотя я не публикую свои результаты. Это, скорее, хобби.

– Тогда понятно, почему вы однажды пробовали на вкус собранную мной композицию на лабораторке... Мизинчиком из пробирки.

– Верно... Впрочем не советую этого новичкам. Возможны травмы. Хотя такой метод применялся тысячи лет в медицине.

– Точно, – подхватил Гера, – я читал, что на востоке лекари пробовали на вкус и мочу больного, и... остальное.

– Верно. Только смотря у какого. Если речь шла о придворных лекарях, то они даже обязаны были это делать... Экспресс лабораторий не было. Понюхать, потрогать, попробовать на вкус – первое средство для правильного диагноза. Рисковать и экспериментировать на глазок нельзя. Если правитель умирал, лекарь тут же отправлялся следом...

– Извини, но я подглядел, что ты уже поробовал ту композицию, – признался профессор. – Потому особо не рисковал. Оба рассмеялись.

– Так, значит, и это было не случайно? – лукаво поинте-

ресовался студент.

– Верно. Мы одной крови... Поэтому я тебе сейчас расскажу одну историю.

Бора-Бора помолчал, словно прислушиваясь к чему-то, но потом смело продолжил.

– Однажды мне попался отчет проверки на подлинность одного папируса из Египта... Утверждалось, что он почти не отличался по химическому составу от подобных свитков исследуемого региона, разве что, за исключением каких-то вкусовых добавок. Хотя, это относилось к побочным параметрам, но я заинтересовался.

– Чутье?

Он жестом остановил Геру, и тот понял, что сейчас будет сказано нечто важное.

– Известно, что жрецы Египта умели не только хранить, но и прятать тайны. Так что в преддверии надвигавшейся беды им приходилось прятать все свои знания. Так появились карты Таро, в арканах которых скрыто упрощенное описание так называемого планетарного сознания. Компактно оно отображено в виде Древа Сефирот, а детализировано в Книге Тота... Подобные папирусы часто подделывались во все времена с целью перепродажи или для того, чтобы запутать следы, ведущие к истине.

– Но в наше время есть научные методы для определения

подлинности документов.

– Верно. Это и радиоуглеродный анализ, и химический анализ, и лингвистический, и графологический, и анализ симпатических чернил, есть даже «электронный язык» ... Но интуиция человека вкупе с его уникальными способностями превосходят все технические методы. В этом отличие живого от неживого.

Он помолчал, словно взвешивая что-то, но потом продолжил с еще большим азартом.

– Я купил на аукционе несколько старинных свитков, и попытался уловить в них то, что скрыто от историков и археологов, тех, кто идет проторенное дорожкой... Я стал пробоовать на вкус. Каково же было мое удивление, когда я понял, что в состоянии четко отбирать некие свитки... У меня началась лихорадка охотника за сокровищами – я мотался по странам, обменивался папирусами, покупал и продавал их, даже подкупал взломщиков и воришек... За пару лет в моем сейфе скопилось несколько десятков папирусов, которые я с закрытыми глазами мог отличать от всех иных.

– И что они хранили? – спросил, было, студент, но профессор его, похоже, не слышал.

– Я понял, что в них кроется нечто более важное, чем указание координат кладов или спрятанных артефактов, как например, перечень в так называемом «медном свитке» из Ва-

ди-Кумран... Это особые знания, и скрыты они более тщательно, чем все остальные, ибо представляют собой вершину пирамиды. Такие свитки многие держали в руках и до меня, но рассматривали их через призму своих профессиональных методов, потому видели только то, что им показывали. Старый и надежный способ прятать секреты на самом видном месте работал и в случае с древними папирусами. Хорошо сохранившейся «верхний» текст был тоже интересен и таил немало важного. Достаточно лишь уметь читать на каком-то древнем языке. Однако, самое главное могло быть записано под ним на «нижнем» тексте. Причем так, что непосвященный даже не подозревал о существовании тайного текста.

Бора-Бора глубоко вздохнул и медленно выдохнул, чтобы успокоиться.

– Мне достаточно было полистать отчеты признанных авторитетов, международных исследовательских центров и частных компаний в области выявления подлинности папирусов, чтобы понять простую вещь. Никто не пробовал папирусы на вкус. Ведь это звучит по-детски наивно – а что в том может быть интересного. Я поставил себя на место того, кто хотел что-то спрятать нечто на долгое время. На века... И стал отсекал все непостоянное – языки забываются, страны исчезают, границы сдвигаются, законы и даже религии меняются. Постоянны только человеческие потребности

и пороки.

– Пороки уже использовались в картах, – догадался Гера.

– Верно. Игральные карты и карты Таро существуют минимум пару тысяч лет. Сефиротическая магия и вся эзотерика крутится вокруг них... Свои потребности человек должен удовлетворять чтобы выживать, но особенности в еде определяются либо вкусовыми привычками, либо традициями – национальными или религиозными. Например, понятие кошерной еды у иудеев или каннибализм в некоторых племенах... Однако, если бы я хотел передать некие сакральные знания именно своим потомкам, то использовал бы только их особенности, дабы иным недоступно было. И тут вкусовые особенности рода или нации могут сыграть роль ключика.

– Борис Борисович, но мы живем в век глобализации. Границы в Европе постепенно стираются.

– Верно. Межрасовые браки дают новое потомство с иным генным аппаратом. Раньше нации жили обособленно, и традиции запрещали смешиваться. Нарушения были, разве что, в результате войн. Нынешний курс правительств многих стран на отказ от подобных традиций, перемешивание наций в большом европейском плавильном котле, выращивание человека мира, пропаганда либеральных идей в этом вопросе и прочее направлено на постепенное размывание ДНК. Плюс работы по целенаправленному вмешательству

в ДНК. Все это ведет к исчезновению природных наций и созданию лишь одной. Управляемой извне. Преградой были естественные законы скрещивания рас и наций. Генетики даже определили стойкость и податливость к скрещиванию различных гаплогрупп. Исключительной стойкостью обладает единственная гаплогруппа, хотя и там не все так просто. К сожалению, в России генетика не является приоритетной наукой. И это не случайно. От потомков русов все время скрывают их силу. Язык, историю, генетику.

– Я правильно вас понимаю, что некие сакральные знания были оставлены именно для русов или их прямых потомков?

– Верно. Жрецы Египта, как и некоторых других стран Ближнего Востока, были прямой ветвью русов, покинувших свои исконные северные территории после глобальных катаклизмов. Они должны были оставить знания на видном месте, но только записать их так, чтобы прочесть послания могли только носители определенных способностей.

– Здесь русский дух, здесь Русью пахнет, – процитировал Гера.

– Верно. Все очень просто. Догадаться, где искать прежде всего могут только потомки русов. Ну, а прочесть – тем более.

– Почему вы мне это так открыто говорите?

– Ты еще не догадался?

– Мы одной крови, – повторил Гера слова Логинова.

– Верно.

– Значит, я не случайно порезался однажды лопнувшей пробиркой на лабораторке?

Бора-Бора лишь молча широко улыбнулся.

– Вы возьмете меня в свою команду?

– А вот тут ты ошибаешься. Это наша последняя встреча. Ты больше не должен встречаться со мной, приходить в лабораторию, посещать семинары, даже узнавать меня в Университете или на улице...

Какое-то время они шли молча.

– Я попробовал использовать раствор на основе твоей крови, чтобы прочесть некоторые папирусы. Результат совпал с моим... Теперь ты знаешь больше, чем было доступно мне, когда я только начинал этот путь. Дальше пойдешь сам. Выбор только за тобой. Как ты используешь свои способности и чего добьешься. Во имя чего. Все решит твой выбор. Запомни, власть во многих странах в руках наших врагов. Есть избранные, вроде нас с тобой и остатки нашего Рода, которые могут только пойти в ополчение. Многие из них ищут истину, но не смогут ее найти. Душой понимают, но маются, потому что способности утеряны из-за нарушения Кона Рита.

– Но сила в единстве, – горячился Гера.

– Уясни простую вещь, сейчас ты можешь быть только партизаном в своей собственной стране. Уже было несколь-

ко попыток прямого противостояния, и наши проиграли. Доверие, «вроде бы своим», обошлось очень дорого. Энергия разрушения проще и разнообразнее в своих проявлениях. Результат получается быстро. С другой стороны, энергия созидания на порядки сильнее, но получать ее сложнее. Оглянись и увидишь, постоянное противостояние разрушителей и созидателей. Это основной закон развития, только инструменты у них различны. Ложь и предательство безграничны, честь и преданность Роду только одна. На войне, как на войне.

– Но существуют же какие-то правила...

– Вот именно по этим правилам и предсказуемости поступков, наших быстро вычисляют. Поступай, как считаешь нужным. Играй в разведчиков и добивайся своего. Никаких правил и обязательств. Никаких организаций и встреч. Наши все это уже прошли.

– Даже убийство? – недоверчиво спросил студент.

– Повторюсь. Только твой выбор. У тебя есть все задатки для самостоятельной работы и борьбы. Слушай только свой внутренний Кон.

– Но есть же границы разумного...

– Нет. Есть только твой выбор. И если ты нарушишь чью-то границу, тебе объявят войну. Равно, как и ты можешь принять такое решение. Твердо уясни – врагов гораздо больше, чем ты думаешь. Лакмусовая бумажка – твой Кон. Если

хочешь иную формулировку – твоя душа. Знания откроются только достойному. Ты сегодня только можешь им стать, а станешь ли, это твой выбор.

– А вы еще долго будете в Университете?

– Нет. Мне уже ставят палки в колеса. Изменили условия аренды помещения. На следующий год я должен представить другой учебный план. Финансирование по межвузовской программе уже перекрыли. Они еще не вычислили меня, но стали подозревать. Значит пора...

Двое шли молча, хотя у студента просто клокотало внутри от вопросов. Он понял, что это последняя проверка, и он ее выдержал. Не оборачиваясь и не прощаясь, свернул в первый попавшийся переулок и спокойно пошел один. Впрочем, ему только казалось, что он идет, не привлекая внимания, на самом деле ноги не слушались и движения были не координированы, ибо голова была занята совсем иным. Полнейшая растерянность и дезориентация от услышанного сыграла хорошую службу, он даже не заметил двух сокурсниц, шедших навстречу. Они тут же растрезвонили всем знакомым, что видели своего ботаника в стельку пьяного. Ну просто никакого. Буквально на следующий день стало понятно, за что этого пьянчужку выгнал из своей группы Бора-Бора.

ГЕРА

У каждого человека есть имя, как правило, не одно. Дома, во дворе, в школе, среди друзей и врагов, в институте, на работе, в спортивной секции, с близкими и любимыми нас часто называют по-разному. Поэтому, если кто-то окликнет нас на улице или в телефонной трубке незнакомый голос назовет по имени, мы сразу поймем откуда этот человек. Это потому, что за одну жизнь мы успеваем прожить несколько разных поменьше, связанных и с возрастом, и с родом занятий, и увлечений. И всякий раз мы оставляем свой след в других душах под разными именами. Так детям будет странно слышать, когда кто-то назовет одного из родителей «вжик» или «коржик», «братан» или «ботан». Только даются имена или прозвища не зря, для окружающих мы выглядели именно так или кто-то очень хотел нас видеть именно такими.

С Никитой Бобровым все случилось иначе, с рождения его везде звали Никитой. Набрав 293 балла по трем ЕГЭ и успешно сдав дополнительные вступительные испытания, он был зачислен на два факультета МГУ – Химфак и ВМК. При посвящении в студенты он сменил имя, причем произошло это странным образом.

День выдался прохладным, и первокурсники промерзли до костей, несмотря на различные подвижные развлечения, поэтому предложение одного из москвичей продолжить знакомство всей группы у него на даче было встречено единогласно. Оказалось, что у семерых из них уже были свои машины, и вопрос доставки окоченелых «козерогов» не возник. Единственное разногласие возникло по дороге – не все соглашались называться «козерогами» даже потому, что и у первокурсников, и у этих животных не было хвостов. В прямом и переносном смысле этого слова.

Однако, первое впечатление от дачи, которую москвич Родион представил, как свою, отодвинуло на второй и прочие планы все вопросы. Просторный двухэтажный дом с боковой башенкой чем-то напоминал картинку сказочного замка из детской книжки. Охранник впустил машины на большую стоянку под навесом, и удалился. За домом виднелся сад, небольшой пруд с мостиком, извилистые дорожки и симпатичные фонарики на подстриженных газонах. На страже этого сказочного мира стоял солидный забор, увитый диким виноградом. Повсюду чувствовался заботливый уход специалистов, но прислуги видно не было.

С позволения Родика «козероги» осматривали первый этаж, бродили по саду и фотографировались на мостике, перекинутом через небольшой пруд. Тем временем появились

двое официантов и разожгли угли в мангале под навесом, другая пара сервировала овальный стол в зале первого этажа. Когда же по саду стал распространяться обалденный запах шашлыков, новоиспеченные студенты заспешили к мангалу с вопросами «не надо ли чего попробовать». Затем под радостные овации вместе с первой партией парящих и румяных шашлыков проследовали к овальному столу.

На правах хозяина тамадой стал Родион. Впрочем, было видно, что он привык к лидерству во всем. Рослый, крепкий с мускулистыми руками, украшенными восточной татуировкой, уверенными движениями и солидным баритоном, в свои девятнадцать он уже выглядел мужиком. Замысловатые и порой насмешливые тосты покорили лучшую половину гостей и заставили притихнуть мальчиков, у многих из которых ничего вышеперечисленного не было и в помине.

Среди них скучал и Никита, ощущая свою ущербность в том, что однокомнатная «хрущевка» в далеком Балаганске, где они жили с мамой, не была похожа даже на какую-нибудь кладовку в этом доме. И от столицы их отделяет не восемь часовых поясов, а какая-то галактическая пропасть. Казалось, что поселок городского типа примостился не на берегу великой Ангары, а на окраине этой незримой галактики, и вся история Балаганска, насчитывающая более трех с половиной веков, затерялась где-то в позднем палеолите, с ма-

монтами и бизонами.

Теперь он понимал грустный взгляд матери, провожающей его в столицу. Она знала, что после МГУ, Москвы и всего увиденного здесь, ее мальчик уже не сможет вернуться в «хрущевку» на улице Чехова, и не захочет стать, как и она, учителем в их районной школе. Компьютер, подаренный ушедшим от них отцом, открыл для ее Никиты иной мир. Безжалостный и жадный, с которым и Ангара не сможет потягаться. Возможно, Наталья Николаевна иногда и упрекала себя в том, что так настойчиво прививала своему мальчику любовь к знаниям и книгам, радовалась его стремлению стать студентом МГУ, а не университета в Ангарске или Иркутске...

– Никита, твоя очередь, – звонкий голосок хорошенькой соседки не сразу вернул его в большой дом с боковой башенкой.

– Куда очередь? – наугад бросил он, однако народ воспринял это как удачную шутку.

– Тост давай!

Никита пробубнил первое, что вспомнилось из бурятских легенд – про бусы Ангоры. Это прозвучало так неожиданно на фоне пожеланий иметь культовые машины и дорогие виллы на побережье средиземного моря, что романтическая по-

ловина гостей томно вздохнула. Мальчик с голубыми глазами и тонкими длинными пальцами стал казаться сказочным принцем из очень богатого королевства, замок которого ломится от сундуков с несметными сокровищами, среди которых спрятаны те самые бусы...

Вкусная еда и хорошие вина быстро кружили голову, и когда Родион пригласил гостей в бильярдную, где стояли кальяны и можно было подымить, Никита блаженно улыбался и был готов всех обнимать от навалившегося счастья. Заметив в своей руке откуда-то взявшийся мундштук с красивой надписью SmokeLab, он весело предложил всем присутствующим выполнить эту лабораторку. Дальнейшее выдось ему, как в дыму, в прямом и переносном смысле...

– Э-э-й, подъем, – кто-то похлопал Никиту по щеке, и неприятным скрипучим голосом добавил – труба зовет.

– А где Гера? – отчего-то прошептал он сквозь какую-то пелену.

– Кто? – переспросил его тот же неприятный голос.

– Ну, Гера... Я же с ней только что говорил...

– О-о, – скрипучий голос просто издевался, – тяжелый случай.

– Гера! – первокурсник попытался вскочить и громко крикнуть, но ни то, ни другое не получилось.

– Заблудился, братан?

– Ге-ра! – по слогам произнес потерявшийся, чтобы быть услышанным, – я здесь!

Получилось не очень, вернее – совсем отвратительно получилось. Какие-то гири удерживали все тело, словно в той легенде, когда разгневанный Зевс приковал богиню Геру облаком к небу.

– Пусть отлежится, – донесся откуда-то издалека второй голос, – он не транспортабельный. Утром отвезем, а то еще вяпается...

В наступившей тишине опять вернулась Гера. Она была здесь. Ласково улыбалась и гладила его по щеке. С интересом разглядывала, нежно прикасалась и не отводила взгляда. Начала расспрашивать о детстве, о маме, о том, как он в одиночестве любил слоняться по берегу Ангары. О том помнил ли он, кто его тогда спас...

Как он мог забыть! Конечно, это была она. Гера. Богиня из богинь. Дочь Кроноса и Реи. Жена и сестра Зевса, вечно мстившая громовержцу за измены и предательства... Гера, спасшая однажды мальчика в холодных водах Ангары, такой же непокорной и своенравной, как сестра Посейдона... О-о, Гера всегда выручала этого мальчика не спроста. Они были одной крови. Она никогда прямо не говорила о том, но он чувствовал это в каждом ее слове, в каждом жесте. Ее забота и любовь еще не раз спасала жизнь мальчика, особен-

но не отличавшегося крепким здоровьем или крепкими кулаками.

Он просто зачитывался книгами о красавице Гере, третьей супруге Зевса после Метиды и Фемиды, самой могущественной богине Олимпа. И никогда не испытывал восторга от книг о Геракле и мифах о его подвигах только лишь потому, что Гера ненавидела побочного сына Зевса. Этого вечного любимчика Громовержца, который, решив пошалить с Алкменой, принял образ ее мужа и остановил солнце, чтобы шалить три дня кряду.

Вся жизнь этого счастливчика была построена на обмане – зачат Зевсом обманным путем, воспетые в легендах 12 подвигов, он совершал, отрабатывая повинность у микенского царя Эврисфея, а не во имя любви. Геракл даже однажды ранил Геру, хотя имя его переводится как «воспевающий Геру», и главное – с помощью Афины обманном вынудил Геру покормить его, как сосунка, грудью, чтобы получить бессмертие. Тоже мне бог!

Для мальчика из Балаганска существовала только Гера, богиня из богинь. И вот теперь она снова рядом! Никогда прежде он так явственно не ощущал ее присутствия. Они разглядывали друг друга и даже едва касались лица. Только сегодня студенту воистину стало понятно сравнение бо-

жественная. Именно такой была Гера. Она грустно усмехнулась, когда чей-то скрипучий голос вознамерился помешать их разговору. Чуть наклонив голову, Гера заглянула ему в глаза и тихо произнесла:

– Сегодня я растворюсь в этой голубой благодати, и мы навсегда останемся вместе.

Так и произошло...

Как ни трясли его потом чьи-то наглые руки, как ни приказывал ему проснуться чей-то противный скрипучий голос, было уже поздно. Мальчик из Балаганска стал Герой, хотя по-русски это могло звучать, как геро~~й~~. Теперь он вполне законно мог называть себя ее именем, потому что так пожелала могущественная из богинь Олимпа.

– А-а, он обещал и вернулся, – съехидничал противный голос. – Геру нашел?

– Да это я Гера, – резко вскочил студент, как ни в чем ни бывало. – Зовут меня так.

– Извини, братан, я думал ты в полете.

– Нормально, – отмахнулся Гера.

– Тогда поехали? Ты точно в порядке?

Вместо ответа Гера неожиданную для себя самого провел двоечку с обеих рук, едва не коснувшись носа обладателя скрипучего голоса. Причем так резко, что тот не успел даже

среагировать, только почувствовал дуновение ветерка в лицо.

– Предупреждать надо... – извиняясь, произнес тот, признавая силу, и попятился.

Гера повторил двоекку с резким подшагом и уклоном.

– Ух, ты! – в комнату вошел Родион. – Лихо, а что ботаником прикидывался?

– Мама всегда учила меня скромности, – голубые глаза смотрели насквозь.

– Ну и ладушки, – улыбнулся хозяин, – а то ты вчера так быстро «отъехал», что я заволновался. Пульс еле-еле, дыхание поверхностное, на сигналы снаружи не отвечаешь. Перемешал, что ли? Остальные-то бодрячком. Всех развезли по домам, ну а тебя не стали трясти.

– Наверное увлекся, – слукавил Гера.

– А привкус помнишь? – заинтересовался хозяин. – Я сделал пять вариантов...

– Вишневый, – не задумываясь ответил студент, – и аспирином разбавлен.

– Да, ладно? – Родион с интересом глянул на гостя.

Тот безразлично пожал худыми плечиками.

– Слушай, а ты как насчет кофейку? – неожиданно вежливо спросил хозяин. – На дорожку? А то мы еще с утра не успели...

– Только с молоком, – нескромно ответил гость.

– Витек? – Родион глянул в сторону обладателя скрипучего голоса и тот утвердительно кивнул в ответ. – Только мне черный без сахара. Я сейчас вернусь.

Вместе с Витьком Гера прошел на кухню. В доме было тихо, очевидно, прислугу отпустили еще ночью, после уборки. Студент огляделся и сел за барную стойку на высокий табурет, Витек включил кофемашину De'Lonhgi, та зашипела паром под давлением, и по кухне поплыл приятный кофейный дух. Они едва успели пригубить небольшие чашечки, как вернулся хозяин.

– Как кофе?

– Кимбо, – Гера понял вопрос по-своему, – итальянская арабика. Я такой в баре на Арбате пробовал недавно. Пачка коричневая с золотым. Название красным. Мягкий вкус почти без горчинки.

Хозяин удовлетворенно кивнул, достал три чистых блюдечка из шкафа и поставил их перед Герой. Загадочно улыбаясь, аккуратно насыпал в каждое их них по белому порошку из разноцветных бумажных пакетиков, свернутых, как в аптеке. Потом положил обертки рядом с блюдечками. Не говоря ни слова сделал приглашающий жест открытой рукой в сторону гостя и застыл, не отрывая любопытного взгляда.

Стало понятно, что он решил проверить слова студента о привкусе. В кухне повисла напряженная тишина. В любом другом случае Гера отмахнулся бы, но сейчас это прозвучало бы, как трусость, отказ от поединка. Богиня из богинь этого бы не простила. Гера осторожно поднес к лицу первое блюдечко и слал принюхиваться, постепенно приближая его. Так повторилось и с остальными. Затем в упор, не мигая, посмотрел на Родиона, словно они стояли друг против друга на дуэли, и уверенно отчеканил:

– Мел. Эспераль. Колдрекс с лимоном.

Родион сверкнул черными глазами и молча стал убирать блюдечки, признав свое поражение. Витек понял это и тихо произнес:

– Ну, ты даешь, Гера...

ЗИНА

Парень и девушка бродили по Большому газону МГУ погожим сентябрьским днем. Им казалось, что до зачетов, как и до Бабьего лета, еще далеко, поэтому они с легкой душой прогуливали свои первые лекции на третьем курсе МГУ.

– Тепло заблудилось в тумане, и первые дни сентября проснулись в блаженном дурмане, июльские сны теребя ... – глядя куда-то вдаль, неожиданно произнес он.

– Твои? – она окинула его испытующим взглядом.

– А ты что больше любишь, пломбир или эскимо? – вопросом на вопрос ответил он.

– Там сплошное пальмовое масло.

– Наташ, это абсолютно ложное утверждение.

– Гер, опять ты умничаешь?

– Мороженное должно растаять у меня во рту, – нудным голосом знакомого преподавателя изрек парень, – а это 36 градусов. При этом известно, что пальмовое масло тает при 42 градусах. Значит, я замечу комки и плюну в глаз продавцу.

– Как ядовитая змея? – хихикнула девушка.

– Хуже. Эти змеи тут не водятся, а обманутых любителей мороженного будет много.

– Ты хочешь сказать, – она не сдавалась, – что авторы ста-

тей в прессе врут, утверждая, что не используют в производстве мороженого пальмовое масло?

– Как всегда, это правда, да не вся. В основном используют кокосовое масло, вернее разные его фракции, отделяемые различными методами. Например, у олеина температура плавления вообще 24 градуса... Или ты кокосовую стружку с тортика соскабливаешь?

– Отстань, ботаник, – отмахнулась она.

– Секундочку... – Гера опять пародировал известного лектора, – мы, ученые, должны разбираться в тонкостях. Вот, например, я – родился в эпоху маргарина «Рама». Мама мыла раму, потому что ни денег, ни масла у нас не было. Теперь мое занудство можно оправдать тяжелым детством... Ну что, выбираем пломбир? Это он спасет мир-р-р...

– Тогда – «Снежный городок» – и Наташка, сверкая колечками, первой понеслась к большому цветному зонтику с надписью «Мороженное».

Прохожие, в основном приезжие в этом знаковом месте Москвы, с нескрываемыми улыбками и даже завистью смотрели на прелестную пару, которой для полного счастья потребовалось всего пару долларов. Некоторые ехали в русскую столицу с опаской и первое время гуляли только днем, но увидев вблизи смотровой площадки на Воробьевых горах эту счастливую молодость, не могли оторвать глаз. Они на-

чинали вспоминать себя в таком возрасте, и душа открывалась навстречу добру, ликующему в сентябрьский полдень среди еще зеленой травы на одном из семи холмов, на которых раскинулась вековая русская столица.

– Ну, что, еще по эскимо и не пойдем на обед?

– Тогда – по два, – Гера демонстративно ссутулился, принимая какой-то старческий вид, и дрожащей рукой указывая в сторону лотка с мороженым, потом прошепелявил, – в каждую руку.

Они еще долго гуляли, говоря на самые разные темы. Оба были не очень общительны, и, хотя учились на одном курсе факультета, за два года даже не общались. Поводом для сегодняшней встречи послужила байка о том, что Гера на спор выучил целый учебник за пару часов. Многие хотели иметь такое средство, если оно, конечно, существует на самом деле. Только Гера был принципиален в выборе собеседников, многих просто игнорировал, а вот с Черняевой из Беляево охотно согласился поболтать вместо скучной лекции.

– Скажи, ты действительно помнишь все, что слышал и видел? – Наташка протянула собеседнику свой носовой платок, чтобы он вытер руки после мороженого.

– Обляпался? – не обиделся Гера.

– Я такая же, – примирительно согласилась она. – Съесть

мороженное и не капнуть куда-нибудь, все равно, что пойти на пляж и не искупаться.

– А ты на море была? – неожиданно спросил парень.

– Мы всей семьей раньше каждый год ездили. Для меня Геленджик, как родной город.

– Я ни разу... – потупился Гера. – Мать меня одна растила. Дальше пляжа на Ангаре нигде не был.

– Тогда давай меняться, – неожиданно предложила Наташка, – ты мне расскажешь про Ангару, а я тебе – про Геленджик.

– Да что там рассказывать, – усмехнулся Гера, – вода и летом не выше двенадцати градусов. Несколько плотин, перекаты, пороги, острова. Разливается до 15 километров, глубина метров до семи. Пляжи везде есть, только купаться стремно.

Он помолчал, припоминая, чтобы еще такое рассказать. Потом неожиданно добавил:

– А давай махнем вместе в Геленджик?

Наташка удивленно взглянула на парня.

– На пару дней, только посмотреть... Клянусь, приставать не буду. Возьмем два разных номера. Хотя в разных отелях. Ну, не шикарные, конечно. Ну, а на простые денег хватит. И на билеты... Никаких условий. Глянуть одним глазком и пройтись по берегу. Подумай...

– Признаться, очень неожиданно, – девушка испытующе посмотрела в его голубые глаза. – Странный ты...

– Ну, такой уродился.

– А-а, это следствие тяжелого детства.

– Ну, да... Рама так и не отмылась.

Они рассмеялись, а Наташка обещала себе подумать как-нибудь об этом.

– Гер, ты мне так и не ответил – действительно помнишь все, что видел или прочитал?

– Нет.

– Честно?

– Скажи правду один раз, никто не поверит. Ври постоянно и все привыкнут... Таков шаблон.

– Я тоже шаблон? – резко повернув его к себе, Наташка заглянула ему в глаза.

– Нет... А ты, как моя мама. Она часто повторяла, что я – просто открытая книга. Никогда меня не допрашивала. Посмотрит в глаза и отпустит.

Они помолчали, медленно прогуливаясь. Дойдя до Троицкой церкви, повернули обратно. Было удивительно тепло и спокойно, даже машины спешили по своим важным делам как-то не торопясь. Почувствовав, что собеседница молчит потому, что он уклонился от прямого ответа, Гера решил сам рассказать об интересующем многих на факультете споре,

который он выиграл.

– Мы действительно поспорили со Славиком по поводу учебника Замкова. Только началось все иначе. Я утверждал, что метод мнемоники, используемый многими для запоминания любой информации не нов. Еще у древних греков была легенда о Мнемозине.

– Расскажи! – попросила Наташка, чтобы как-то загладить свою настойчивость. Ей уже было неловко, что она фактически сама напросилась на эту встречу, а парень оказался намного интереснее, чем она представляла прежде. Кто-то пустил слух на факультете о чудесных «таблетках памяти». Наверное, этого Геру уже все достали своими глупыми вопросами, а тут еще и она цепляется.

– Согласно греческой мифологии, – догадался о ее мыслях парень и спокойно продолжил, – жила-была богиня памяти по имени Мнемозина. Дочь Геи и Урана, олицетворявших землю и небо, то есть она относилась к богам первого поколения и была титанидой, то есть стояла вровень с титанами. Умница и красавица. Утверждалось, что она помнила все – что было, что есть и что будет. Только сама богиня объясняла это иначе. В местечке под названием Лейбадия была пещера с двумя реками – Лето, то есть, забвения, и Мнемозина, то есть память. Для того, чтобы вспомнить или узнать нечто, нужно было сначала окунуться в Лето, а потом – в Мнемо-

зину. То бишь, чтобы вспомнить, сначала нужно все забыть.

Гера остановился, чтобы убедиться, понимает ли его молчаливая слушательница. Та утвердительно кивнула.

– Мнемозина была удивительно красивой и, ценитель высокой красоты Зевс, не смог пройти мимо. Девять раз являлся Громовержец к ней в образе пастушка, в результате чего у Мнемозины появилось девять дочерей – девять муз. Возможно, ты помнишь все их имена, и кто чей музой был, но суть не в этом.

– Мельпомена – муза трагедии, – тут же ответила собеседница, – Терпсихора – танца.

– Верно, – кивнул Гера. – Музы выбирали себе поэтов, астрономов или танцоров, наделяли их талантами, а затем являлись и требовали отдачи, то бишь творчества.

– Требовали?

– Ну, да. Это же дочери Зевса, папина кровь в жилах. Поэты мучительно ждали своих муз, а когда те являлись, таланты творили по полной программе. Принцип этот используется и в современных методиках.

– Живая и мертвая вода? – предположила Наташка.

– Похоже. Чтобы запомнить или вспомнить, нужно научиться работать со своим вниманием. Сосредотачиваться на главном, убирая все лишнее. Эзотерики называют это «от-

ключением внутреннего диалога». Он действительно мешает. Если ты проследишь за своим вниманием, то оно постоянно прыгает. За время лекции, ты отвлекаешься сотни раз. Как только мозгу надоест разбираться в математике, программировании или каких-то датах, он сразу переключится на более интересную тему. Кому – футбол, кому машинки, кому мороженное... Причем, этот внутренний диалог не так просто заткнуть. Он сильнее нашего я.

– Признаться ты прав. Часто ловлю себя на том, что отвлекаюсь и заставляю вернуться к теме лекции.

– Только поезд уже ушел, – заметил Гера. – Лектор уже о другом говорит, и ты не догоняешь. Принцип Мнемозины гласит – окунись сначала в Лето, то есть забудь обо всем. Причем, забудь так, чтобы тебя ничто не тревожило столько времени, сколько нужно. Образно говоря, утопи свой внутренний диалог в источнике забвения. Эти методики были известны и в Тибетских монастырях, и у йогов, и у шаманов, и практикующих Вуду. Как только почувствуешь, что тебя ничего не отвлекает, начинай воспринимать информацию, затем осмысливать, потом запоминать... Надеюсь ты понимаешь разницу между вниманием и восприятием.

Он с любопытством глянул на собеседницу, и та утвердительно кивнула. Парень продолжил:

– Чтобы вспомнить, нужно точно так же освободить свое внимание и сосредоточиться на искомой информации. Есть методики, где с запоминанием чего-либо связывают цвет, предмет, привычное действие... Раскладывают информацию по виртуальным шкафам и полочкам, как-то их помечая и систематизируя, но это индивидуально. Одному подходит первый метод, другому – второй, третьему – надо придумать свой собственный метод.

– Почему же об этом не говорят ни в школе, ни в Универе?

– Образование стоит денег. Хорошее – хороших денег. Поэтому говорят, только тем, кто готов хорошо заплатить, но результат в этом случае не гарантирован. Еще и пахать надо. Каждый день.

– И ты сделал такую таблетку, которая позволяет все запоминать?

– Да, но она работает короткое время и только для меня, – улыбнулся Гера, – мы уже не раз проверяли это. Захочешь, попробуешь и ты.

– Значит, нужно только что-то настроить на индивидуальность.

– Такого механизма нет.

– Но даже и с таким результатом ты бы мог опубликовать свою работу! – воодушевленно воскликнула Наташа. – Это прозвучит в научном мире. Ну, не Нобелевка, но могут и тему открыть на кафедре.

– Нет. Я не буду этого делать, – отрезал парень.

Их разговор прервала приглушенная мелодия сотового телефона, доносившегося из сумочки собеседницы. Коротко поговорив с кем-то, Наташа резко собралась уходить.

– Гера, извини, бегу. На кафедре меня ищет научный руководитель. Забыла совсем. Давай еще поговорим на эту тему. Набери на моем сотовом свой номер.

Она протянула ему смартфон в розовом чехле. Когда сотовый парня откликнулся, Наташа сорвалась с места и обернувшись на ходу крикнула:

– Вечером...

Провожая ее взглядом, Гера признался себе, что чем-то они похожи. Какие там шаблоны! Она необыкновенная.

Вечером он сидел за компьютером в своей комнате общежития и пытался изменить алгоритм работы программы, которая управляла роботом, готовившим химический препарат в лаборатории. Это было наследство, оставленное Логиновым на их кафедре. Было похоже, что Бора-Бора уже получил опыт работы с нашими чиновниками от науки, которые использовали любые лазейки, чтобы обратить чей-то промах или недочет в свою пользу. Оборудование, которое молодому профессору удалось привезти в Россию, стоило немалых денег, поэтому он оформил дарственную на троих студентов, которые могли распоряжаться им только совместно. И хотя

Бора-Бора официально изгнал Геру из своей группы, ребята разрешали своему однокурснику работать там в ночное время, потому что каких-то явных причин против или проступков со стороны Боброва не было.

Зная о нескромности некоторых студентов в общежитии и любопытстве хакеров, он использовал сложный пароль к своему ноутбуку и шифровал все данные на нем. Программу шифрования придумал сам и назвал ее «Зина», что было сокращением от Мнемозины. При желании специалисты открывают, конечно, но не сразу, а время было на его стороне.

Часов в десять вечера зазвонил сотовый Геры. Еще днем он решил, что сам не сделает первый шаг. Его он оставил за Наташкой. Высветились инициалы звонящего «НЧ». Однако голос был взволнованный:

– Гера, привет... Тут с тобой хотят поговорить...

В трубке слышались то ли шорохи, то ли какая-то возня, и грубый голос с явно выраженным кавказским акцентом произнес:

– Слюшай сюда, пацан. С тобой хочет поговорить уважаемый человек. Через час ты должен быть на станции метро «Полянка». Выйти в сторону улицы Малая Полянка и потом медленно идти от центра. Тебя подберет черный «Форд». Опоздаешь, эта птичка будет петь только для меня.

В трубке опять послышалась какая-то возня сдавленный крик Наташки.

– Я понятно излагаю?

Быстро надев наушники, Гера лихорадочно стучал по клавишам ноутбука, уже подключив к нему свой сотовый. Было секундным делом включить запись разговора и отыскать в своем архиве программку для управления Наташкиным Samsung Galaxy S9, который он запомнил с первого раза, едва взял его в руки, когда они прощались.

– Не слышу восторга, умник...

Этого времени было достаточно, чтобы Samsung радостно заглотил небольшую программу перехвата управления и включил запись с обеих камер.

– Ты что, памперсы пошел менять, ботаник?

Однако ехидный смешок прервался, когда на экране Samsung появился четкий портрет выдававшего себя за кавказца бандита. Следом зазвучал его голос, немного искаженный, но вполне узнаваемый. Когда запись закончилась, Гера четко произнес:

– Теперь ты меня послушай. МТС дал твои координаты – Ленинский проспект, дом три, строение один. Можем оставить это, как шутку. Но. Если разговор сейчас прервется, отсылаю запись и координаты на тревожный почтовый ящик fsb@fsb.ru сайта ФСБ. Параллельно копирую запись ее родителям, на все радиостанции, телестудии и социальные сети. Надеюсь, твои знакомые в это время слушают радио, смотрят телевизор или сидят за компьютером. Объявляю премию в лимон. Тебя кинутся искать и оперативники, и любители срубить бабла, и твой серьезный папик... Выбирай.

– Слушай, не горячись, – быстро заговорил «кавказец», – это шутка. Просто студенческий розыгрыш...

– Передай сотовый Наташке и проводи ее на улицу. Я буду смотреть за ее передвижением, а мой корешок встретит ее на Ленинском проспекте.

В трубке опять послышалась возня, и Гера увидел в дрожащей картинке с Наташкиного сотового ее перепуганное лицо, коридор, дверь квартиры, лифт, ступеньки подъезда и удаляющуюся фигуру в темном капюшоне.

– Наташка, не волнуйся, – как можно спокойнее сказал он, – не выключай телефон. Садись в такси и поезжай на Ленинградский вокзал. Если денег не хватит, пусть таксист мне позвонит, я ему на карточку сразу переведу нужную сумму.

Когда договоришься с ним, обязательно выключи свой телефон и вытащи аккумулятор. Родителям сейчас не звони. Встретимся на вокзале, позвоним им вместе. Около полуночи в Питер идет несколько поездов. С билетами проблем не будет. Слиняем быстро, а потом решим, что делать. Если что-то не поняла переспроси.

– Я боюсь Гера, – почти прошептала она.

– У нас все получится. Доверься мне... Нет-нет, частника не бери. Пусть убирается... Вот, вижу желтое такси. Денег хватит? Ну и хорошо. Садись и обязательно вытащи аккумулятор. Встретимся минут через двадцать. На вокзале найди местечко в какой-нибудь кафешке. Да, у тебя паспорт с собой?

– Собиралась зайти на почту... Вот в сумочке. А что?

– В наше время без него никуда

– Гера...

– Не хнычь. Я тебя вытащу. Все.

Связь прервалась. На экране ноутбука осталась картинка в салоне такси и удивленный взгляд таксиста в зеркале заднего вида. Гера быстро скопировал все на флэшку и спрятал ее отдельно в маленький кармашек джинсов. С сожалением закрыл так и недописанную программу. Выключил ноутбук, свой сотовый и вытащил из них аккумуляторы. Упаковал все в спортивную сумку. Проверил паспорт и кредитные карточ-

ки. Окинул взглядом комнату. Остановился на рисунке средневекового автора с изображением греческой богини памяти и пошутил на дорожку.

– Ну, не скучай, Зина.

ПИТЕР

– Давай-ка засыпай, а я почитаю, – Гера заботливо поправил простынь, укрывая Наташку. – Все места наши, я сказал проводнице, чтобы никого к нам в купе не подсаживала, так что спи спокойно.

– Я так перепугалась...

– Ну, теперь «распугивайся» обратно, – он ласково улыбнулся. – Странно, это так приятно о ком-то заботиться. Я один рос. У нас и кошки не было в доме. Мама все боялась, что я подхвачу какую-нибудь заразу. Часто повторяла – книги твои лучшие друзья. Так и получилось. Так, что если я что не так скажу или сделаю...

– Это тяжелое наследие трудного детства, – едва улыбнулись ее губы.

– Другого у меня не было, так что я не считаю его трудным. Ну, может быть, не совсем таким, как у остальных... И вообще, почему оно должно быть одинаковым?

– Спасибо тебе, – Наташка натянула простынь до самого подбородка, хотя так и оставалась в верхней одежде.

– Ну, за такое не благодарят, – он сидел на краешке вполоборота к ней и, не зная, куда девать руки, положил их на свои коленки. – Это все из-за меня, – Гера уставился на длинные пальцы, подыскивая слова.

– Что это значит?

– Однажды проявил нескромность и показал, то, чего не могут другие... Теперь братва видит во мне цирковую мартышку, которая должна по щелчку крутить сальто вперед или назад.

– И что это за акробатика? – любопытство девушки взяло верх над страхом.

– Попробовать на вкус порошок и сказать, что он из себя представляет.

– Как в детективах про наркотики? – догадалась Наташка.

– На их жаргоне это называется «корова».

– Это те, кто разрезает стилетом упаковку и пробует порошок на кончике лезвия?

– Голливудский штамп, – усмехнулся Гера. – так можно загнуться на месте. Бодяжат всякой гадостью, лишь бы мозги поплыли... «Коровы» долго не живут, хотя скажут, чем разбавляли – мелом или сахарной пудрой. Если чем-то покруче, вообще уже ничего не скажут... Еще есть «нюхачи», кто может чистый процент сказать, но это элита.

– А ты кто?

– Я не при делах... Как-то проговорился, что грибы всегда по запаху искал, и так же из любого леса на дорогу выходил. Теперь меня шушера иногда дергает.

– Думаешь отвяжутся? – не веря своим словам, спросила Наташка.

– Это шестерки. Если дорогу не забудут, на них прикрикнет тот, кого они боятся.

– А почему кто-то на них прикрикнет?

Гера серьезно посмотрел на девушку и тихо ответил:

– Скажу один раз... Когда я только родился, отец выбрал свое дело, а не семью. Правда, он помогал нам и приглядывал издалека. Лет в пятнадцать он хотел приобщить меня к своим делам, чтобы передать все, что имел по наследству. Оказалось, что я по вкусу могу написать формулу некоторых веществ. Короче, он пророчил мне большое будущее и безбедную старость матери. Она сказала, что покончит с собой, если я пойду по стопам отца.

– И вас оставили в покое?

– Почти... Я иногда консультирую его по некоторым вопросам. Он меня иногда прикрывает... Было всего несколько раз, а так я сам справляюсь.

– Как это?

– В отличие от тебя, я живу в состоянии войны. И по ее законам.

– И с кем война? – с иронией спросила собеседница.

Он помолчал немного и, наклонив голову продолжил:

– Когда мать крадет в магазине хлеб, чтобы прокормить своих детей, а в столовой крадут из школьных завтраков, потому что нет второй машины. Когда учительница с тридцати-

летним стажем получает в сто раз меньше министра образования. Когда у студента лучшего Университета страны стипендия в двести раз меньше тринадцатой зарплаты чиновника Газпрома. Когда за последние семь лет академиков в стране стало в два раза больше, чем за последние семьдесят лет, а научных работ новоявленных академиков в международных научных журналах просто не видно. Когда за последние двадцать лет в стране миллиарды миллиардов ушли на развитие науки и технологий, но в магазинах нет ни отечественных сотовых, ни ноутбуков, ни серверов, ни операционных систем, ни офисных приложений, ни роутеров, ни одного своего коммуникационного протокола. Когда «Роснано» отчиталось о покупке и монтаже в Зеленограде устаревшего завода из Европы для изготовления микросхем по 60-нановой технологии, при том, что Apple работает на 12-нановой, а Intel перешел на 8-нановую. И это малая толика лишь в науке... Для меня это необъявленная война моей стране.

– Ты не преувеличиваешь?

– Легко проверить. Данные официальной статистики, и я никого никуда не зову. У каждого свой выбор. У тебя возникли проблемы из-за меня. Я решу их за два-три дня, а пока прогуляемся по питерским музеям. Попробуем их мороженное...

– Это я накликала беду, – не успокаивалась Наташка. Он искренне улыбнулся.

– Тогда почему вопросы ко мне? И еще. Подумай, почему со времени нашего первого разговора, до ультиматума ко мне прошло не более десяти часов?

– Кого-то заинтересовали мои вопросы о твоей «таблетке памяти»...

– Этот интерес не нов. Только уж очень быстро все на этот раз. Извини, но тебя использовали втемную. Если сама проанализируешь, вычислишь того, кто тебя подставил.

– Подставил? – вспыхнула девушка.

– Хорошо... Направил по этому пути... Так звучит лучше?

Она недружелюбно промолчала.

– Сейчас я назову тебе три имени, среди которых ты сразу найдешь того, кто тебя... направил. Если нет, выкину в окно свой ноутбук... Итак – Тамара, Жанна, Лиля.

– Жанка, – сдавленно прошептала Наташка.

Гера удовлетворенно кивнул.

– Через пару дней я узнаю паспортные данные того, кто заставил тебя мне позвонить вчера, и что-то мне подсказывает, что он отыщется в списке друзей этой Жанки на «Одноклассниках» или «В контакте».

– Каким образом?

– Цена вопроса – двести баксов. Как это ни цинично про-

звучит. Достаточно отправить один-два портрета персоны по некоему адресу и сделать перевод на некий кошелек. Вернется четыре строчки текста.

– Спорить не будем.

– Будем спать... Я почитаю немного. Если ночник будет мешать, скажешь...

«Тверской экспресс» прибыл в Питер около девяти утра. Поднятые заранее пассажиры, прощались с проводницей, как со знакомой. Кто назвал ее по имени, помня неоценимую помощь в сервировке полуночного стола, кто просто в благодарность спокойно проведенной ночи.

Частная гостиница на Невском без вопросов распахнула двери в двухкомнатную квартиру с хорошей мебелью и новенькой ванной комнатой. Оказалось, обычно замкнутый Гера мог быть общительным и, казалось, даже получать удовольствие от выяснения у персонала подробностей о наличии бесплатного Wi-Fi, меню завтрака, парковки или вида из окна. Пока он с хозяйкой выбирал одну из квартир на втором этаже недавно отремонтированного дома и придиричиво проверял наличие всего перечисленного в буклете, Наташа сидела за чашкой кофе в маленьком баре рядом с ресепшен на первом этаже. Ей было приятно сознавать, что нашелся парень, который без лишних слов взвалил на свои худенькие плечи все ее проблемы, повторяя, чтобы она не беспокоилась.

лась.

– Залетела, что ли? – с любопытством посмотрела на нее сверстница в строгом деловом костюмчике и большой вышивкой на груди «Менеджер Алла».

Дабы не вступать в разговор, Наташка утвердительно кивнула и потупила глазки. Ей стало даже смешно от навязанной роли жертвы, но позиция оказалась удачной. Буркнув что-то о «сволочах», Алла оставила приезжую в покое, испытывая при этом непреодолимое желание оберегать бедняжку. Сердобольный русский народ остается таковым, несмотря ни на что, и поделится последней горбушкой с незнакомцем, и останется при этом счастлив и умиротворен. Это знают и часто используют в борьбе с нами же «заклятые друзья» наши и на западе, и на востоке, а нам и не жалко. Главное, чтобы душа была спокойна и не болела от того, что кому-то в данный момент вдруг плохо, а мы не помогли.

Явление сие во многих странах редкое, даже подозрительное, ибо воспитаны мы по-разному. Суть отличия одного сформулировано в латинской пословице, которая в вольном переводе звучит примерно так: «филантропическое явление есть понятие сугубо индивидуальное.»

– Окна на перекресток Невского и Суворовского, – как бы извиняясь, доложил кавалер, – но там стеклопакеты, шум-

но не будет. Вечером должен быть чудесный вид... Лифт на шесть квартир. Спальня и диванчик в гостиной. Ты пока прими душ, а я в магазинчик сбегаю. Потом можем выпить кофе напротив. Рекомендуют свежую выпечку – есть творожные, суфле и бисквиты.

Дама поняла, что в этой игре от нее требуется молчаливое согласие, и сдержанно кивнула. Хозяйка Маргарита и менеджер Алла едва сдерживались, чтобы не ринуться в бой за такого парня, который явно набивался в мужья этой глупышке. Вот уж везет некоторым так везет, а эта еще и нос воротит. Парень положил в тетрадь регистрации сто баксов, чтобы фамилию спутницы не вписывали. Паспорт повертели в руках и отдали. Прикрывает ее, заботливый. Такому сразу нужно командовать «рядом!», чтобы привыкал, а то потом не перевоспитаешь.

Когда молоденькая парочка удалилась, обе мечтательно смотрели на входную дверь, накручивая локон на холеный пальчик. Их мысли читались невооруженным глазом. Вот почему всем ничего, а кому-то все. Несправедливо! Сидишь тут целыми днями, красоту бережешь, а все понапрасну. Эх...

Пока дама принимала душ и приводила себя в порядок, мужинка пробежался по магазинам и вернулся с дву-

мя пакетами, вызвав очередной завистливый вздох, который не должен был бы остаться незамеченным, да разве эти слепцы, что увидят.

– Слушай, Наташка, – сложил в умоляющем жесте ладони с длинными пальцами голубоглазый и прехорошенький постоялец, – ты на них зыркни поостроже, а то испепелят.

– Сделай пару бутербродов и кофе с молоком, тогда я подумаю об этом, – неожиданно игриво заявила совсем недавно умиравшая со страху Черняева из Беляево.

– А я только сливки купил, – подыграл ей Гера, – простишь?

– Ладно. На первый раз. Но смотри у меня... – она погрозила пальчиком.

– Не забалую! Чес-с слово!

– Ну, ладно. Проводи меня к столу.

Они расхохотались... Вдруг стало так спокойно на душе, даже безмятежно. Все страхи остались где-то далеко в Москве. Там же остался Универ со своими лекциями, семинарами и лабораторками. Откуда-то налетала эта необходимость быть вместе и даже держаться друг за друга.

В иной ситуации Наташка еще десять раз подумала бы вообще куда-то ехать с незнакомым парнем, да еще и поселиться в одной квартире. Пусть двухкомнатной и пусть да-

же на пару дней. Еще вчера утром Жанка с таким азартом рассказывала ей об этом ботанике, придумавшем что-то там такое, что достаточно одной «таблэтки» и любые экзамены не страшны.

С некоторых пор она стала ощущать пристальное внимание на лекциях, на улице в метро и даже настойчивые предложения от кино до ресторана. Наверное, пришло ее время, и она из девочки или старшеклассницы вдруг превратилась в желанную молодость, с которой не сравнятся никакие пластические операции или стволовые клетки. Она была настоящей и потому привлекательной и днем, и ночью, независимо от одежды.

Любопытство стало все чаще закрадываться в сознание — неужели ей и это по плечу. Уже ли достаточно мимолетного взгляда, выдававшего нечто большее, вернее неопределенный намек на нечто, и юное дарование уже готово было решить ее вариант, пересчитать и проверить ее лабораторку или переписать пропущенную лекцию. Наверно поэтому, она так легко повелась на предложение просто очаровать замкнутого и явно неопытного молчуна с их потока.

Впрочем, нет худа без добра. Когда вчера они вместе с Герой звонили ее родителям по таксофону на их домашний номер, мама неожиданно поверила, что у ее сотового сел аккумуля-

мулятор и ей пришлось искать салон связи, где продают карточки для таксофонов. По ее вздохам было похоже, что мама вспомнила свою молодость, когда без двух копеек позвонить было невозможно, и все носили в кармане эти маленькие монетки, спутники влюбленных.

И еще повезло в том, что это был четверг, а не суббота или воскресенье, тогда бы никто не поверил в ночные бдения над проектом в начале сентября у третьекурсницы. Прежде родители держали ее в ежовых рукавицах, и фраза до десяти быть дома была убийственной, когда многие сверстницы и в девятом классе позволяли себе гораздо больше. Учеба в Универе, да еще третий курс дали ей шанс на такую волю. Конечно, мама прочитала нотацию, но Наташка почувствовала волю. Пришла пора. Она получила молчаливый карт-бланш...

– Простите, вы еще здесь? – откуда-то издалека звучал знакомый голос.

– Герка! – взвизгнула она, – напугал...

– Стесняюсь спросить, сколько сахара изволите?

– По две ложки кофе и сахара, треть молока, – привычной скороговоркой выпалила девушка, но вспомнив свою роль, добавила после паузы, – по стеночке и не перемешивать.

– Изволите пригласить «кроватьную Мэри»?

– И не думай!

– Тогда, может, позвоним родителям, чтобы тебя не объявили в розыск.

Ей показалось, что ботаник читает ее мысли. Она же почти сама вспомнила, что обещала маме перезвонить утром. Заметив, что на кухонном столе появился ноутбук, сделала вид, что не удивилась.

– Я купил модем с новой симкой, – Гера начал бубнить свои любимые подробности, – позвоним через анонимный сайт, где можно подставлять исходящий номер. У вас дома аппарат с номероопределителем? – Она кивнула. – Тогда я подставлю в исходящий вчерашний номер таксофона на Ленинградском вокзале.

– Зачем это?

– Если ваш домашний телефон пишут, то этот номерок уже знают. Могут подумать, что мы специально с него звоним, чтобы намекнуть, на то, что собрались уезжать.

– Мудрено что-то...

– Я оставил у таксофона карточку бесконтактной оплаты, зарегистрированное на мое имя. Пин-код вводить не нужно. Платежи до тысячи рублей. Суммы на карточке хватит на пять-семь покупок. Если меня пасут, то ребятам будет чем заняться.

– Все так серьезно? – Наташка разом все вспомнила.

– Не бойсь. Надевай эту гарнитуру и поговори с мамой. Если она сейчас на работе, введи в это окошко ее рабочий. Помнишь?

Все произошло, как нельзя вовремя. Мама сказала, что посмотрела на телефон и он тут же позвонил. Пока удалось развеять все сомнения, хотя это было странно. Впрочем, отчего-то вспомнились душевные разговоры на даче. Этим летом зачастила тетя Света и они вдвоем с мамой стали заводить разговоры о женитьбе, детях, возможной ипотеке для молодых... М-да, пришло время, и ее потихоньку подталкивают к этой мысли...

– Изволите прогуляться? – он шаркнул ножкой. – Заложить экипаж или променад?

– Гер, мы серьезно пойдем гулять?

Он только широко улыбнулся.

– Как давно я не была на Невском... Давай прогуляемся до самого Эрмитажа.

– Если ты не против, мы заглянем на полчасика в читальный зал Отдела рукописей Эрмитажа. Это тоже на Дворцовой.

– Зачем?

– Тебе говорили, что, когда ты искренне удивляешься глаза становятся как эти кофейные блюдца? – серьезно произнес Гера.

Она отмахнулась, но не смогла сдержаться и оба расхохотались

– Гер, я серьезно. Ты что затеял?

– Я позвоню быстренько, и ты все поймешь.

Он надел гарнитуру и постучал по клавишам ноутбука.

– Доброе утро, Елизавета Михайловна... Да, опять я... Александр Львович обещал... Да, было письмо на имя Пиотровского... Да, двое студентов МГУ... Надеюсь, вы подписали письмо... Спасибо вам огромное, а то мы всего на день, вечером обратно в столицу... Через час будем.

Он глянул на Наташку и едва выговорил сквозь смех:

– Спрячь свои блюда... А то по дороге расколотишь... Это же Питер!

АНТОНИНА

Читальный зал номер один Отдела рукописей Эрмитажа хранил документы, созданные до 1970 года. Здесь царил порядок и тишина. Пропуск на имя Боброва для двух студентов МГУ томился в папке охранника, и когда тот проверил студенческие билеты Боброва и Черняевой, вертушка на входе подмигнула зеленым огоньком.

Гера молча глянул на спутницу, напоминая, что молчание золото, и пропустил даму вперед. Он объяснил сотруднику, что именно интересуется студентов МГУ и вместе с коллегой они нашли свободный стол в дальнем уголке читального зала. Пока им не принесли документы из хранилища, Гера ввел спутницу в курс дела.

– Княжна Ксения Георгиевна Романова родилась в семье двоюродного брата Александра III – Великого Князя Георгия Михайловича и Великой Княгини Марии Георгиевны, урожденной принцессы Греческой и Датской, правнучки Николая I. Ксения была младшей и любимой дочерью в семье. В 2008 году Российский Императорский Дом организовал пышный столетний юбилей любимой игрушки Ксении – медвежонка Альфонсо. Эта трогательная история, если будет интересно, я тебе расскажу...

– Сначала скажи, что мы тут вообще делаем, и о каком письме Александра Львовича шла речь?

Гера поднес указательный палец к своим губам, давая понять, что она говорит очень громко, потом прошептал:

– Разве ты не знаешь Лифшица? Заведующего Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ?

– Я-то его знаю, – возмущенно шептала Наташка, а ты-то откуда?

– Студенческий билет МГУ для меня ключик в кладовые знаний, – улыбнулся Гера. – Представляешь, по щелчку пальцев мне приносят такие рукописи и редкие книги, о которых и специалисты мечтают. А пятиминутный разговор с Александром Львовичем на интересующую его тему помог развеять его сомнения по поводу целесообразности письма госпоже Яковлевой, руководительнице этого чудесного Отдела Эрмитажа.

– Ты жулик? – взгляд собеседницы просто пылал возмущением. – Как ты узнал, что моя мама дружит с женой Лифшица?!

– Так они двоюродные сестры, – в голубых глазах сверкали искорки.

– И когда было написано письмо? – не сдавалась Наташка.

– Согласно правилам доступа в читальный зал, за месяц...

Немая пауза нависла над дальним столом читального зала

номер один.

– Спрячь свои блюда, а то поколотишь, – хихикнул Гера. – Да, я спланировал нашу поездку еще летом. Каюсь немного слукавил, но иначе бы ты и разговаривать со мной не стала... А Лифшиц растаял, услышав отрывок из благодарственного письма Григория Орлова Екатерине II, подарившей своему возлюбленному серебряный сервиз из 2709 предметов весом более 200 пудов серебра... Любой фанат окружает свою кладовую неприступной крепостью от серой массы, но доверит ключ собрату по разуму.

– Значит и вчерашнее... – она не смогла подобрать нужное слово, – тоже спланировано?

Он открыто посмотрел ей в глаза и тихо прошептал:

– Посмотри, я не вру.

Минуту они просидели неподвижно. Глаза в глаза. Наконец собеседница отвернулась.

– Я ничего не понимаю...

– Наташ, мне очень нужно прочитать письмо отца Ксении, которое перед смертью он написал своей жене. Дело в том, что в 1914 году Ксения и ее сестра Нина с матерью Марией Георгиевной отправились в гости к английским родственникам в Букингемский дворец. Король Англии Георг V являлся двоюродным братом ее матери. Там их застала Первая мировая война, потом две революции в России. Они так

и не вернулись в Питер, где в январе 1919 ее отца и еще троих Великих Князей расстреляли в Петропавловке. Это после расстрела царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918. Георгий Михайлович в ночь перед расстрелом написал прощальное письмо Марии Георгиевне, но большевики старались это скрыть. Все документы спрятали в секретном архиве Революции, и только сейчас стало возможным дотянуться до того письма.

– Зачем тебе это? Ты же химик?

– Наташка, это же история моей страны! Она не хуже, а гораздо интереснее всех тайн Мадридского или Лондонского двора. В школе нам вдалбливают всякую чушь, написанную пришлыми, называющими себя историками. Они навешали себе званий и медалей, хотя сами ничего не открыли в истории. Только закрывают.

– Но как тебя это касается?

– Как ни странно, задевает, а вот тебя, касается очень даже.

– Что ты имеешь в виду?

– Скоро поймешь, что тебе байки рассказывать. Все равно, не поверишь.

Они умолкли, увидев, что к ним бесшумно приближалась служащая читального зала с пластиковой коробочкой.

– Бобров? – служащая поверх очков внимательно посмот-

рела на Геру, потом сверила его пропуск с заявкой. – Ребята, документы уникальные, вы уж поосторожнее. Вот перчатки, наденьте, пожалуйста. Копировать можно только в секретариате.

– Не беспокойтесь, – кивнули оба.

Письмо было написано красивым ровным почерком с вензелями и сложено вчетверо. Бумага немного пожелтела, но текст сохранился на удивление хорошо. С первых строк стало понятно, что письмо очень личное и трогательное, так что им даже совестно было читать эти строки, но любопытство пересилило. Любящий мужчина обращался с последними словами нежности к жене и младшей дочери. Ни упреков, ни жалоб. Письмо было так возвышенно, что у студентов навернулись слезы.

Наташка шмыгала носом и размазывала тушь на лице тыльной стороной перчаток. Гера застыл неподвижно, слегка подавшись вперед. Они перечитывали и перечитывали строки, написанные без малого век назад сильным человеком, осознававшим, что больше он никогда не увидит и не обнимет своих любимых...

Выполнив все необходимые процедуры и умывшись в комнате отдыха, они вышли на Дворцовую набережную. Свежий ветерок с Невы никак не мог успокоить вспыхнувшие эмоции. Оба, не сговариваясь, с каким-то осуждением

смотрели на противоположный берег. Там, за серой полоской крепостной стены сверкал на солнце шпиль Петропавловской крепости с едва различимым силуэтом парящего ангела. Словно уловив мысли спутницы, Гера тихо произнес:

– Историю нельзя уничтожать или переписывать в угоду сиюминутным порывам. Хотя, иногда хочется... Ни одного памятника нельзя сносить, они хранители истины. Пусть даже эта история не всегда нам приятна, но другой нет, а придумывать, значит лгать себе и потомкам. Вратъ в граните...

– Он так любил их... – не выдержала Наташка и уткнулась лицом в плечо Геры. – За что так с ними!?

– Не только с ними, – он нежно обнял вздрагивающие плечи девушки, – всю страну перевернули... Великую державу... А сколько русских душ загубили... И все им мало...

Гера остановился, чтобы успокоиться. Глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Спутница тоже. Засмутившись своего откровенного порыва перед парнем, которого вчера только узнала, девушка отстранилась и смахнула слезы с ресниц.

– Никогда не была в этом здании. Только в Эрмитаже, а тут еще Малый и большой Эрмитаж.

– Позади еще здание Нового Эрмитажа, – грустно улыбнулся Гера. – Россия, как матрешка, начнешь копать, а дальше все интереснее и непонятнее... Здесь пристань. Хочешь прокатиться?

– Нет пройдемся лучше. Тут где-то неподалеку набереж-

ная Мойки.

– Направо набережная Зимней канавки, Миллионная, Зимний мост и Мойка.

– Ты часто бываешь в Питере?

– Впервые, – смущенно улыбнулся он. – Интернет позволяет побывать в интересных местах виртуально.

Они свернули к Миллионной улице, и моча прошли до Певческого моста. Широкий, мощный плоской брусчаткой с розовым оттенком и чудесными литыми ограждениями мост, отчего-то был частично превращен в парковку, только кафешка под длинным красным тентом на несколько столиков привлекала внимание.

– Смотри, Александрийская колонна! Это же Дворцовая площадь.

– А позади нас – Мойка, 12, – добавил парень, – Там жил Александр Сергеевич... Что ни шаг, то история... А не протестировать ли нам питерское мороженное?

– Протестировать! – улыбнулась она. – Мы сядем в этом кафе, и ты мне все расскажешь об этом письме.

Они выбрали свободный столик, благо была пятница и туристы еще не заняли все приличные места. Два сорта, мороженного из меню Гера забраковал сразу, а третье они с удовольствием повторили. Солнце поднималось все выше, и даже северная столица радовала теплом.

– Ты, ведь по отцу Черняева, – неожиданно уточнил он, отодвигая розетку для мороженого, – а по матери Журавлева.

Собеседница молча кивнула.

– Твоя бабушка Антонина Сергеевна Рязанова, 1938 года рождения, покинула сей мир девять лет назад... Вижу, что я прав... А известно ли тебе, дружок, что Антонина Сергеевна взяла фамилию, не принадлежащую ни своей матери, ни отцу. Она умышленно изменила в документе фамилию отца Сергея Владимировича Рязанцева на Рязанова. Скорее всего, тебя не посвящали в эти семейные тайны, и скажу почему. Твой прадед Рязанцев был репрессирован в 1937, как враг народа. По доносу.

Судя по округлившимся глазам, девушка этого не знала.

– Донос написал человек, которого Сергей Владимирович считал своим другом и, возможно, делился с ним своими мыслями о происходящем в стране, которые, скорее всего, не совпадали с точкой зрения, господствующей в прессе. Это мое предположение. А вот, письма, которые некий Вадим писал Анне Аркадьевне, мне разрешили прочесть. В них он умолял эту умницу и красавицу выйти за него замуж... Погоди. Мы сейчас кое-что проверим. Посмотри на эти фотографии, и скажи, узнаешь ли ты кого-нибудь.

С этими словами Гера быстро постучал по клавиатуре и повернул к Наташе экран своего ноутбука. Там была дюжина портретов семейных пар, сделанных, судя по одежде, приблизительно в тридцатых годах прошлого века. Девушка внимательно разглядывала изображения, повернув экран так, чтобы солнце ей не мешало. Приглядевшись получше, уверенно указала на фото.

– Похожа на бабу Тоню, но точно не скажу. Просто судя по тем фотографиям, которые я видела раньше. А этого мужчину рядом с ней я совсем не знаю.

– Кликни на картинку.

– Тут написано – Аня и Сережа, Ленинград, 1935.

– Это твои прадед и прабабка. Антонина Сергеевна была очень похожа на свою мать, Анну Аркадьевну, носившую известную дворянскую фамилию Игнатьевых. Она решила изменить фамилию Сергея Владимировича с Рязанцева на Рязанова, и вычеркнуть его из родословной, дабы уберечь потомство от возможных репрессий.

– Ты так говоришь, словно знал обоих, – удивилась Наташа.

– Анну Аркадьевну Игнатьеву отправили в ссылку в поселении Коновалово, неподалеку от Балаганска, где я вырос. К тому времени твой прадед Сергей Владимирович был расстрелян, а их дочь – Тоня, твоя бабка, была в детской коло-

нии под Ставрополем. Анна Аркадьевна в своем Коновалово организовала детишек в школьный класс, одной из учениц которого была моя бабушка Серафима. Скорее всего, от тоски и одиночества она возилась с детворой, как с родными, особенно – с Серафимой. Та передала мне все, что помнила про Анну Аркадьевну. В том числе и ее предсмертное письмо.

– И ты молчал?

– Я не был уверен, – признался Гера. – За два года в Москве я накопал и проверил десятка три возможных родственников Антонины Сергеевны Рязановой 1938 года рождения. При том, что они скрывали родство с Сергеем Владимировичем Рязанцевым и Анной Аркадьевной Игнатьевой, меняли фамилии и переезжали из города в город.

– Почему так уверен, что не ошибся?

– Последняя проверка до встречи с тобой была в июне, аккуратно после того, как наша сборная у испанцев выиграла. Только та дочка Журавлевой ни капли не похожа на Антонину, и запах совсем другой.

– Запах? – едва не подпрыгнула Черняева из Беляево.

– Представь себе такую лакмусовую бумажку, – развел руками Гера. – У меня нюх от бабушки Серафимы. Пока мать выясняла отношения с отцом, я у нее рос. В Коновалово. Поселок в три улицы – Ленина, Мира и Степная. Бабушка травница была, все на нюх да на зубок пробовала, меня, малолетку, обучала. Оказалось, это мой родной язык. В прямом и пере-

НОСНОМ СМЫСЛЕ.

– И как же ты по запаху искал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.